

Памяти Е.Д. Заклинской

В текущем году исполнилось 100 лет со дня рождения Елены Дмитриевны Заклинской (1910–1990) – одной из тех, кто стоял у истоков фундаментальной и прикладной палеопалинологии в нашей стране, кто сыграл выдающуюся роль в создании ее теоретических и организационных основ.

Обращение к памяти и опыту таких людей, как Елена Дмитриевна, всегда полезно и поучительно. Они – классики в своей области науки, значительны и интересны даже в собственных ошибках и заблуждениях, не говоря о свершениях и заслугах. Столетний юбилей – хороший повод еще раз вспомнить прежде всего то ценное и значимое, чему посвятила жизнь Е.Д. Заклинская.

О жизненном пути и научных заслугах Елены Дмитриевны писали не раз, в том числе она сама [Заклинская, 1985]. Это позволяет выделить некоторые основные вехи ее творческой биографии, в том числе не получившие пока должного освещения в литературе.

В палинологию Елена Дмитриевна пришла в начале 1930-х из практической геологии. Ее учителями стали известные болотоведы, пионеры спорово-пыльцевого анализа в СССР М.И. Нейштадт (1903–1985) и С.Н. Тюремнов (1905–1971), работавшие тогда в Научно-исследовательском торфяном институте в Москве. Многие дало ей сотрудничество в те же и последующие годы с В.П. Гричуком.

В конце 1930-х Елена Дмитриевна, как она говорила, «силою судеб оказалась в ранге организатора и руководителя лаборатории спорово-пыльцевого анализа» в Институте геологических наук АН СССР (ныне – ГИН РАН) [Заклинская, 1985, с. 114].

Создавать лабораторию при отделе четвертичной геологии, которым руководил сначала Г.Ф. Мирчинк (1889–1942), а затем В.И. Громов (1896–1978), пришлось во многом своими силами и руками. Прежде всего, составлять определительские коллекции, руководства и методические пособия, ставить экспериментальные исследования для выяснения разрешающей способности спорово-пыльцевого анализа. «В итоге, – вспоминала Елена Дмитриевна, – нужно было учить самих себя, чтобы квалифицированно наладить воспитание и подготовку молодых кадров» [там же].

Е.Д. Заклинская (1930-е)

Поначалу в лаборатории было только двое сотрудников: Елена Дмитриевна и лаборант.

Этот труд на благо страны прервала Великая Отечественная война. Последовали эвакуация, работа на нужды фронта на Урале, в Казахстане и на Салаирском кряже.

После Великой Победы, задачи восстановления разрушенного войной народного хозяйства потребовали существенного расширения геолого-съёмочных и поисковых работ, а с ними и постановки необходимых палеопалинологических исследований. Для Елены Дмитриевны это было время не только начавшегося расцвета творческих сил, но, по ее словам, и обладания «тем скромным счастьем, которое сопутствует чувству созидания, причастности к крупным свершениям» [там же, с. 119].

Елена Дмитриевна и ее соратники работали самоотверженно, с энтузиазмом и полной отдачей сил, что позволило в короткий срок добиться важных результатов, определивших успех дальнейшего развития палеопалинологии в СССР. По воспоминаниям Елены Дмитриевны, в лаборатории палинологии уже «к концу 1940-х годов была систематически налажена разработка основных методических проблем, связанных с экспериментальной тематикой. <...> Широко ставились детальные работы по выяснению соотношения состава спорово-пыльцевых спектров с составом продуцирующей растительности. <...>

Были начаты работы по установлению ареалов разноса пыльцы отдельных лесообразующих пород» [Заклинская, 1985, с. 119]. Пополнился личный состав лаборатории.

К концу следующего десятилетия, при активном и непосредственном участии Елены Дмитриевны, были проложены пути к созданию основ отечественной маринопалинологии. В частности, по инициативе В.В. Меннера (1905–1909) Елена Дмитриевна совместно с О.В. Матвеевой обследовала спорово-пыльцевые спектры из дельтовых отложений р. Волга и донных осадков Каспийского и Японского морей.

Переломным в судьбе Елены Дмитриевны и созданного ею коллектива стал 1955 год. Решением директора ГИНа академика Н.С. Шатского (1895–1960) лаборатория палинологии была включена во вновь создаваемый отдел палеофлористики и стратиграфии континентальных отложений (ныне – лаборатория палеофлористики). Перед отделом была поставлена задача: изучение флор СССР как основа стратиграфии преимущественно континентальных отложений. Тем самым палинология ГИНа была организационно подчинена палеоботанике и сосредоточена на решении стратиграфических задач, связанных с Разведкой и поиском полезных ископаемых.

Руководить отделом Н.С. Шатский назначил В.А. Вахрамеева (1912–1986) – палеоботаника-стратиграфа, далекого от интересов фундаментальной палинологии. Лишь благодаря настойчивости Елены Дмитриевны удалось сохранить маринопалинологическое направление и, по ее выражению, «своего рода самостоятельный кабинет палинологии кайнофита».

Будучи опытным исследователем и организатором науки, Елена Дмитриевна понимала, что означает подчинение, в том числе административное и тематическое, другой дисциплине, интересы которой не совпадают со стратегическими целями развития палинологии как самостоятельной области знания. Фундаментальной палинологии предлагалось быть своего рода «службой двух господ» – палеоботаники в качестве одного из ее исследовательских методов, и геологии в лице стратиграфии континентальных отложений.

Поэтому все последующие годы, вплоть до ухода из ГИНа в 1988 году, Елена Дмитриевна боролась за сохранение самостоятельности созданной ею палинологической ячейки, прежде всего в сфере тематики и направлений исследований. Нравилось это стремление к самоопределению далеко не всем, а потому приходилось вести своего рода «малую» пропагандистскую войну. «Некоторые палеоботаники, – не уставала повторять Елена Дмитриевна, – выражают протест против

якобы “отчуждения” палеопалинологии от палеоботаники в целом. Но это неправильно. Отчуждения никакого нет. <...> Произошла и происходит дифференциация научных знаний. <...> Так произошло и с палинологией. <...> Постепенно были выработаны свои, специфические методы исследований, и при разумном комплексировании с другими палеонтологическими направлениями появилась возможность обоснования биохронов, корреляции различного масштаба, установления палеоэкологических обстановок и в некотором приближении климатических сукцессий» [Заклинская, 1985, с. 106–107].

Участвуя в крупных проектах отдела, Елена Дмитриевна настойчиво отстаивала самоценность результатов, полученных с помощью палинологического метода. Даже если это шло вразрез с мнением руководства. Так было, в частности, и с масштабным проектом «Основные этапы развития флор позднего палеозоя и мезозоя Евразии и палеофлористические провинции этого времени», который возглавлял В.А. Вахрамеев. В итоговой монографии по проекту можно прочесть следующее признание: «Как и в большинстве коллективных работ, взгляды авторов по отдельным теоретическим вопросам не всегда полностью совпадают. Это касается, например, оценки роли климатической зональности в формировании палеофлористических областей в геологическом прошлом. В.А. Вахрамеев и С.В. Мейен придают этому фактору первостепенное значение <...>. Е.Д. Заклинская, основываясь на изучении пыльцы поздне меловых покрытосеменных, не склонна придавать большое значение климату в формировании палеофлористических областей» [Вахрамеев и др., 1970, с. 6].

Важным условием самостоятельности любой науки является ее институционализация, объединение специалистов в масштабах страны и за ее пределами. И можно лишь поражаться широте научно-организационного мышления и смелости в реализации крупных проектов, которые были свойственны Елене Дмитриевне. Шаг за шагом она упорно стремилась добиться признания самостоятельности палеопалинологии в масштабах огромной страны.

С 1961 года стали проводиться Всесоюзные совещания по систематике, номенклатуре и таксономии ископаемых спор и пыльцы. Палинологи на равных принимали участие в важнейших геологических дискуссиях тех лет, организовывали собственные крупные мероприятия, вроде Межведомственного совещания по вопросам интерпретации палинологических данных в связи с разработкой «Стратиграфического кодекса СССР» (1977).

Важной вехой стал 1971 год, когда в Москве прошла III Международная палинологическая конференция. На ней была учреждена Международная палинологическая комиссия (ICP), а вскоре начала свою деятельность Всесоюзная палинологическая комиссия, созданная при Научном совете «Пути и закономерности эволюционного процесса».

Для установления более тесных связей между специалистами были организованы палинологические секции при действовавших в различных городах СССР научных обществах. Такие секции работали в Алма-Ате и Владивостоке, Киеве и Ленинграде, Львове, Магадане, Минске, Москве, Саратове, Тбилиси и Якутске. Их деятельность направлялась и координировалась Палинологической комиссией.

Во всей этой мощной организационной активности Елена Дмитриевна принимала самое деятельное участие. «Следом за организацией ICP, – вспоминала она, – начала работу Палинологическая комиссия (под председательством Е.Д. Заклинской) <...>, в состав которой вошли ведущие палинологи всех ведомств Советского Союза. <...> Тридцать три члена Палинологической комиссии приняли на свои плечи обязанности всемерно помогать палинологам нашей страны в планомерном развитии метода, организовывать совещания и конференции межведомственного и всесоюзного масштабов, участвовать, а вернее возглавлять работу оргкомитетов по подготовке к международным конференциям, организовывать своевременное издание специальных сборников докладов и тезисов для международных и всесоюзных конференций и информации о деятельности ICP. По инициативе Палинологической комиссии организованы межведомственные рабочие группы для решения ряда проблем имеющих большое значение для развития палеопалинологии» [Заклинская, 1985, с. 136].

Елена Дмитриевна пользовалась любой возможностью, чтобы не дать «раствориться» достижения своего научного коллектива в отчетах отдела, всячески подчеркивала их значение, оригинальность и независимость от собственно палеоботанических исследований.

«Я с особенной благодарностью, – писала она, например, в итоговом обзоре «Основные вехи палинологии кайнофита, развивавшиеся в Геологическом институте», – обращаюсь к моим верным друзьям-ученикам, а впоследствии соратникам – Л.В. Голубевой, создавшей схему палиностратиграфии плейстоцена для севера Западной Сибири и восстановившей особенности растительности плейстоцена на Дальнем Востоке нашей страны; Г.М. Братцевой, долгие годы трудившейся над

распутыванием хронологии маастрихтско-палеогеновой флоры Буреинского Цагаяна <...>, впервые применившей палинологические исследования для обоснования неогеновой истории Исландии; Е.В. Кореновой – основоположнику маринопалинологии и исследований донных осадков океана; Р.Е. Гитерман – известному исследователю перигляциальных ландшафтов, стратиграфии и истории флоры крайней северо-восточной части СССР; Л.А. Скиба, впервые давшей палинологическую характеристику плейстоценовых отложений Камчатки, иллюстрированную таблицами микрофотографий ископаемых пыльцы и спор. Нельзя не вспомнить О.В. Матвееву, работавшую долгие годы над палинологическим обоснованием стратиграфии плейстоценовых отложений Северного Кавказа, предгорий Алтая и активно участвовавшую в нашей коллективной работе по выяснению критериев сопоставимости состава пыльцы и спор в субфоссильных спектрах с составом растительного покрова; Н.В. Дубинину, моего верного помощника в организационных делах. Велики заслуги в развитии палинологии кайнофита наших лаборантов Н.П. Звездиной, Н.А. Ивановой, Н.И. Запорожец...» [там же, с. 138–139].

* * *

Апостол фундаментальной палинологии, Е.Д. Заклинская была ученым-романтиком, и притом, продолжая литературную метафору, романтиком-героем. «В жизни и гармоничном развитии палеопалинологии, в особенности, в первые годы, – говорила она, – было что-то романтическое. Выросшие в те годы специалисты были заражены духом рыцарства. Дискуссии порой бывали схожи с рыцарскими поединками» [там же, с. 133].

Проникнутая духом самоотверженной борьбы за истину, Елена Дмитриевна преломила не одно копьё, в том числе в спорах с авторитетами. Так было, в частности, в ее дискуссиях с академиком В.В. Меннером, таким же благородным палинологом науки, весьма ею почитавшимся. «Владимир Васильевич, – писала Елена Дмитриевна, – искренний пропагандист палинологии, долгие годы всемерно содействовал ее развитию, всегда возлагал на плечи палинологов решение ответственных задач обоснования дробного стратиграфического расчленения осадочных пород и корреляций регионального и межконтинентального масштаба. Он умел поставить проблему, помогал, но и страшно критиковал при малейшем промахе. Порой, да это и сейчас так, Владимир Васильевич, вопреки темпам эволюции растений, считал, что палинология обязана обосновывать подразделения, по объему равные зоне и ее частям» [там же, с. 120].

* * *

Обаятельная женщина, прожившая нелегкую, трудовую жизнь, Елена Дмитриевна обладала внутренним достоинством, повышенной самооценкой и выраженной личной харизмой. В отличие от многих *femmes savantes*, она не стремилась подлаживаться к начальству и устанавливать с ним выгодные неформальные отношения. И в то же время знала слово «надо», ставила интересы дела, коллектива, Родины превыше своих личных. Себя она считала, и не без основания, одним из основателей отечественной палинологии, бессменным наставником своих учеников. Это придавало ей внутреннюю уверенность, успокаивало самолюбие и амбиции, но таило опасность: неподвластный времени «неизменный наставник» не нуждался в преемнике. Богам, даже смертным, смена поколений не свойственна. Отсутствие нового лидера при увядающем старом стало одной из причин угасания палеопалинологии в ГИНе, и не только в нем.

* * *

Находясь как бы в центре «планетной системы» учеников и соратников, Елена Дмитриевна с особым вниманием должна была следить за сохранением и упрочением своего положения в институте и за его стенами. Но честь и достоинство рыцаря науки позволяет это далеко не всегда, и как такая коллизия произошла на склоне лет с Еленой Дмитриевной. Некоторые подробности случившегося известны мне от моего покойного учителя С.В. Мейена (1935–1987).

Было это в начале 1980-х, в разгар инициированной руководством КПСС кампании по омоложению кадров. В тот день Сергей Викторович вошел в наш кабинет 215. Возбужденный и явно подавленный, он коротко бросил:

- Заклинскую увольняют.
- Как, почему?

Оказалось, недавно кончилось заседание дирекции ГИНа, на которое были приглашены сотрудники преклонных лет, известные ученые, естественно, не члены академии. Среди них и Елена Дмитриевна. В русле «генеральной линии» директор института академик А.В. Пейве (1909–1985) предложил им добровольно уйти за штат, дав место более молодым. Воцарилось неловкое молчание, и лишь Елена Дмитриевна заметила вслух: «Я, по крайней мере, в институт кожу на своих ногах». Действительно, если кому-то и нужно было проситься за штат по возрасту и состоянию здоровья, то прежде всего самому Александру Вольдемаровичу. Прогрессирующий склероз превратил его в глубокого инвалида. В ГИНе он бывал редко. В эти дни от машины до

дверей кабинета его обычно вели (почти несли) под руки двое молодых людей. По дороге Александр Вольдемарович никого не узнавал, не отвечал на приветствия, взгляд его был отсутствующим. Но бывали и просветления, когда он напоминал прежнего, «железного» Пейве, крупного тектониста, сильного управленца и великого мастера борьбы за академическое кресло. Именно в такой момент неполного возврата личности подала свою реплику Елена Дмитриевна. Реакция последовала незамедлительно. Положение не смог спасти даже В.А. Вахрамеев, бросившийся к своему другу с молодости и многолетнему патрону А.В. Пейве. Тот остался непреклонен.

* * *

Елена Дмитриевна не была крупным теоретиком и потому не создала своей научной школы. Будучи в то же время хорошим методистом и организатором, она сумела сплотить вокруг себя дружный коллектив учеников и коллег, способный решать фундаментальные и прикладные задачи. Можно лишь сожалеть, что утрата организационной самостоятельности, в частности невозможность проводить необходимую кадровую политику, а также неналаженность механизма смены поколений неминуемо вели этот коллектив к старению и утрате дееспособности.

Пока «неизменный наставник» был в силах, эти мрачные перспективы еще не вырисовались со всей остротой. Казалось, что «кабинет» Е.Д. Заклинской живет своей внутренней жизнью. В.А. Вахрамеев в его дела старался не вмешиваться. Вместо того он подготовил не без содействия той же Елены Дмитриевны двух «своих» палинологов – О.П. Ярошенко и И.З. Котову, с которыми при необходимости и работал. Его многолетний заместитель С.В. Мейен, возглавивший лабораторию в 1986 году, также придерживался политики «невмешательства». В то же время, он способствовал привлечению новых кадров для фундаментальной палинологии, пытаясь ориентировать их на исследование закономерностей флорогенеза. Идею автономного развития палеопалинологии в лаборатории Сергей Викторович не разделял. «Надо, – подчеркивал он, – чтобы палинолог и специалист по макрофоссилиям не просто работали совместно, дополняя друг друга. Необходимо, чтобы компетенция палеоботаника распространялась на морфологию и систематику миоспор, а палинолог хорошо разбирался в макрофоссилиях. Многие ведущие зарубежные палеоботаники давно работают таким образом. Одновременное исследование одним специалистом миоспоровых комплексов и комплексов макрофоссилий не должно

быть спорадическим» (цит. по [Вахрамеев, Мейен, 2002, с. 112]).

Положение резко изменилось после безвременной кончины Сергея Викторовича (1987). Тематика фундаментальной палинологии была свернута, кадры перестали обновляться, возник перекос в сторону изучения диноцист для узкостратиграфических целей, неугодные палинологи увольнялись, делались попытки волюнтаристического перевода специалистов на изучение тех же диноцист и т.п. В результате, в течение всего двух десятилетий после ухода Елены Дмитриевны из института созданный ею коллектив палинологов перестал существовать, а вместе с ним и фундаментальная палинология в ГИНе.

* * *

Но как ни печальна несправедливая судьба этой части научного наследия Е.Д. Заклинской, какой бы ущерб не был нанесен этим развитию отечественной палинологии, Елена Дмитриевна оставила после себя нечто большее и долговечное, обеспечивающее возможность дальнейшего устойчивого развития. Это теоретические основы, методы, институциональная структура, квалифицированные специалисты, способные накапливать и передавать свой опыт, знания и навыки исследовательской работы. Одним словом, фундаментальная палеопалинология как самостоятельная научная дисциплина на стыке биологии и геологии.

Литература

Вахрамеев В.А., Добрускина И.А., Заклинская Е.Д., Мейен С.В. Палеозойские и мезозойские флоры Евразии и фитогеография этого времени. – М.: Наука, 1970. – 426 с.

Вахрамеев В.А., Мейен С.В. Морфология, систематика и филогения растений геологического прошлого: основные проблемы исследований // *М.А. Ахметьев, А.Б. Герман, М.П. Долуденко, И.А. Игнатьев* (ред.).

Сб. памяти чл.-корр. АН СССР, проф. В.А. Вахрамеева (к 90-летию со дня рождения). – М.: ГЕОС, 2002. – С. 111–118.

Е.Д. Заклинская. Основные вехи палинологии кайнофита, развивавшиеся в Геологическом институте // Страницы истории Московской геологической школы. – М.: Наука, 1985. – С. 104–141. (Очерки по истории геологических знаний. Вып. 22).

И.А. Игнатьев